

Гроза во Владимире 13 июля 1340 г. и кровельные работы в Успенском соборе

DOI 10.31168/91674-483-5.15

«Храм неподобнь бес покрова»

Изборник 1076 г.

В 1890 г. при реставрации кровли и куполов Успенского собора Владимира обнаружилось, что средняя глава пятикупольного храма крыта, в отличие от угловых четырех, не «белым железом», а листами меди со следами золочения¹. Общий вес меди составил гигантскую цифру в 127 пудов, с которых, несмотря на плохую сохранность позолоты, удалось снять 9 фунтов старого золота².

Покрытие это, как выяснилось, не было первоначальным. Листы меди не лежали на каменном своде купола, а держались на железных «журавцах»³, что значительно увеличило размер центральной главы, полученной храмом при строительстве времени великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо в 1185–1189 гг.⁴

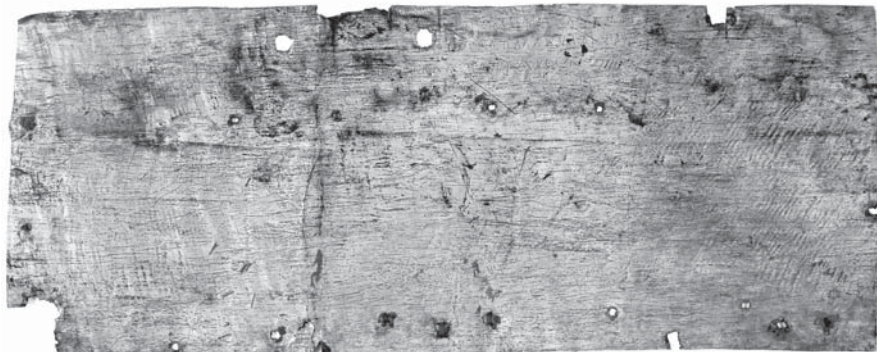
Старая позолоченная медь была употреблена для покрытия центрального купола заново, для чего медные листы были перевальцованы в новые и вновь позолочены.

¹ *Виноградов А., прот. (сост.)*. История кафедрального Успенского собора в губ. гор. Владимире. Владимир, 1905. С. 80, 102–103. О реставрационных работах в Успенском соборе см.: *Тимофеева Т.П.* Исследования по истории Владимирского Успенского собора. М.; СПб., 2013. С. 143–169.

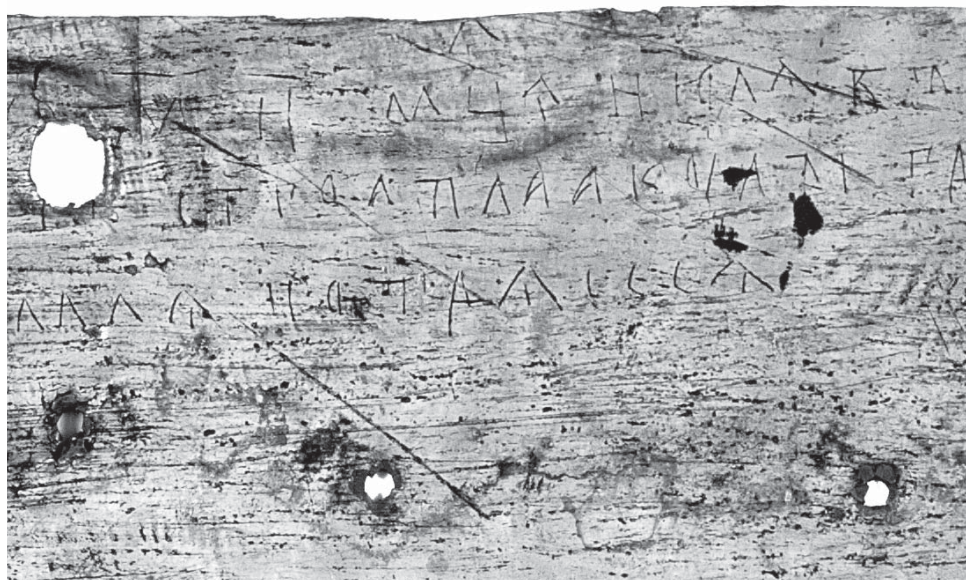
² *Виноградов А., прот.* Указ. соч. С. 103–104.

³ Там же. «Журавль, журав или журавец — железный наугольник» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 547).

⁴ Об архитектурной истории Успенского собора см.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. 1. С. 149–157.

Медная пластина покрытия купола Успенского собора Владимира с граффити 1340 г. (БАН).

Никаких специальных наблюдений, какой-либо фиксации старых медных листов, их формы, веса, взаимного расположения и пр. в процессе разборки 1890 г. произведено не было, неизвестно даже их число. Все это тем более прискорбно, потому что на листах некогда позолоченной меди остались многочисленные граффити, буквенные пометы. Часть помет безвозвратно пропала, но более сотни граффити были вырезаны из первоначальных медных листов и сохранены⁵.

⁵ «Можно пожалеть, что не было сделано... наблюдений над мерою, формою и весом древних листов... а, главное... не были сохранены все пометы без исклю-

Судьба вырезок, а также истолкование помет (среди граффити есть и цифры, и знаки, явным образом к «цифири» не относящиеся) могли бы стать объектом отдельного исследования⁶. Предмет настоящей публикации — одно из граффити Успенского собора, единственная пространная надпись, обнаруженная в 1890 г. на центральном купле.

«Нет сомнения, — полагал Н.П. Лихачев, — что кровля... начиная с восстановления храма после монгольского разрушения... подвергалась неоднократным поправкам и частичным исправлениям». «Следом одного такого ремонта» автор счел трехстрочную надпись, «нацарапанную сквозь позолоту каким-то острым орудием»: «В ЛѢ[ТО] ЗѠМИ М[ЕСЯ]ЦА ІЮЛА ВЪ ГІ НА ПАМАТЬ С[ВЯ]Т[О]ГО АП[ОСТО]ЛА АКВЛЫ ГРОМЪ БЫ[СТЬ] И ЗЕМЛА ПОТРАСЕСА»⁷. Таким образом, граффити отмечает, что 13 июля 1340 г. во Владимире была сильная гроза. По мнению Н.П. Лихачева, с которым трудно не согласиться, «вероятнее всего предположить, что кровельщик, застигнутый грозой на крыше собора, излил собственное душевное потрясение в записи на одном из листов».

«Необыкновенное, загадочное, можно сказать, происхождение Владимирской надписи и ее странное местонахождение делают ее... памятником, весьма интересным и в историческом отношении», — заключил исследователь⁸.

чения и такие вырезки были оставлены лишь в виде образцов» (*Лихачев Н.П.* Владимирская эпитафическая запись XIV в. // *ИОРЯС.* СПб., 1901. Т. 6. Кн. 3. С. 292). Автором приведено полное воспроизведение печатным шрифтом уцелевших помет (там же. Прим. 1).

⁶ По сведениям Н.П. Лихачева, было сохранено 106 вырезок, 59 из которых остались во Владимире, в соборной ризнице, а 47 были переданы Историческому музею в Москве (Там же. С. 292. Ср.: *Виноградов А., прот.* Указ. соч. С. 13. Прим. 1). Между тем в коллекциях Владимиро-Суздальского музея-заповедника эти предметы отсутствуют, они хранятся в Санкт-Петербурге, в рукописном отделе Библиотеки Академии наук (этой информацией автор обязан любезности зав. сектором изучения памятников архитектуры ВСМЗ Т.П. Тимофеевой). В ГИМ, наоборот, вырезки из медных листов с граффити действительно поступили в составе коллекции «предметов строительной древности» Успенского собора (*Тимофеева Т.П.* Фрагменты древних надглавных крестов Дмитриевского и Успенского соборов. Каталог. Владимир, 2014. С. 46). Однако в фондах отдела археологических памятников музея на сегодняшний день числится 37 экземпляров из указанных Н.П. Лихачевым 47-и (за сведения сердечно благодарю научных сотрудников ГИМ Л.Л. Савченкову, И.В. Сумину и С.В. Шполянского).

⁷ *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 293–294; фото надписи издано в качестве иллюстрации к статье (Табл. II и III). В настоящее время надпись хранится в РО БАН (см. прим. 6).

⁸ Там же. С. 294, 296. А.М. Сахаров ошибочно отнес дату граффити к 13 июля 1341 г. (*Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 47).

Со времени публикации Н.П. Лихачева владимирские граффити специального внимания не привлекали, если не считать лишенного всяких комментариев второго издания надписи о грозе во Владимире 13 июля 1340 г., предпринятого Б.А. Рыбаковым⁹. Сами же медные листы покрытия Успенского собора, наоборот, фигурировали в исследованиях, посвященных архитектуре и ремеслам Древней Руси.

Выдающийся исследователь древнерусского зодчества Н.Н. Воронин счел найденные в 1890 г. медные «доски» относящимися ко времени великого князя Всеволода Большое Гнездо¹⁰, т.е. изготовленными для вновь отстроенного храма. Также XII веком, т.е. временем строительства Успенского собора, датировал медные пластины и Б.А. Рыбаков¹¹.

Оба автора, разумеется, были осведомлены о наличии среди граффити датированной надписи, но, очевидно, сочли ее не синхронной позолоченной меди купольного покрытия. Именно поэтому Н.Н. Воронин оценил находку не так восторженно, как Н.П. Лихачев, определив граффити всего лишь как свидетельство каких-то работ по ремонту кровли, имевших место в Успенском соборе летом 1340 г.¹²

Единственным, кто счел золоченые листы синхронными надписи и отнес их к XIV в., был А.М. Сахаров, впрочем, свое мнение никак не аргументировавший¹³. На самом деле, вопрос о связи буквенных граффити с надписью 1340 г., с одной стороны, и позолоченными «верхами», с другой, достаточно непрост. Единственное, что можно утверждать наверняка, так это то, что 13 июля 1340 г. как минимум один купол, центральный, в любом случае украшала золоченая медь.

Существенный интерес с этой точки зрения представляет история покрытия «верхов» Успенского собора. Н.Н. Воронин предпринял попытку отследить ее в летописных памятниках, обнаружив всего два свидетельства о «верхах» в послемонгольское время.

Первоначально златоглавый, в 1280 г. храм был заново покрыт «оловом», т.е. получил свинцовое покрытие¹⁴, а 1536 г. в городе слу-

⁹ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. (Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1-44). С. 43.

¹⁰ Воронин Н.Н. Указ. соч. С. 185–186.

¹¹ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 2015. С. 252.

¹² Воронин Н.Н. Указ. соч. С. 185–186.

¹³ Сахаров А.М. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ Олово в данном контексте означает свинец (см.: СлРЯ XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 359).

Б.А. Рыбаков, впрочем, считал, что «кроме свинца иногда применялось олово», единственным примером чего, правда, останется владимирское известие 1280 г. (Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 555. Прим. 3).

чился пожар, в результате которого на храме сгорела половина кровли. Как полагал исследователь, сгореть могло только деревянное покрытие Успенского собора. Следовательно, заключает Н.Н. Воронин, между 1280 и 1536 гг. «свинцовая кровля была заменена деревянной»¹⁵.

Как представляется, вывод нуждается в нескольких уточнениях.

Если сообщение о «покрытии» собора в 1280 г. свинцом, несомненно, имело в виду и купола, и кровлю, то совершенно неясно, включала ли в себя сгоревшая в 1536 г. половина кровли также и покрытие куполов. Возможно, в летописной статье говорится только о сгоревшей крыше, которая, вполне вероятно, могла быть в этот момент и деревянной¹⁶.

Кроме того, сгореть вообще-то могло не только дерево или свинец, но и медь. Во время пожара 1259 г. в г. Холм, например, полы собора, изготовленные из медных плит, расплавились, «и мѣдь отъ огня яко смола ползущь»¹⁷, так что во время пожаров медные кровли вполне могли, как отмечал Б.А. Рыбаков, плавиться¹⁸.

Возвращаясь к 1340 г., в котором, как следует из наличия граффити, центральный купол собора покрывала золоченая медь, то последняя явным образом могла появиться только сменив предшествующую ей «оловянную» 1280 г. К «истории вопроса» о «верхах» Успенского собора следует вернуться снова.

Б.А. Рыбаков заметил, что «везде в источниках, где мы встречаем указания на позолоту, нужно предполагать наличие кровельной меди»¹⁹. Проще говоря, технически «золотые верхи» всегда выглядели одинаково.

Уже в статье под 1158 г. Ипатьевской летописи о строительстве великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским во Владимире первого Успенского собора отмечено, что «сверши же ц(е)рк(о)вь... и... верхи золотомъ оукраси»²⁰. «Верхи» в данном случае — единственный купол (храм был однокупольным)²¹.

¹⁵ Воронин Н.Н. Указ. соч. С. 355–356.

¹⁶ В 1724 г. Священный Синод констатировал бедственное состояние прогнившей деревянной крыши собора (Виноградов А., *прот.* Указ. соч. С. 55).

¹⁷ Цит. по: Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. М., 2011. С. 118.

¹⁸ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 252. Прим. 1.

¹⁹ Там же. С. 556.

²⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. 2. Стб. 491. Ср. сведения о последовавшей после строительства росписи храма: «Почата бысть писати ц(е)ркы в Володимери *Золотоверхая*» (Там же. Т. 1. Стб. 351).

²¹ Ср.: «Заложы... церковь камену святыя Богородица о единомъ вѣрсе... и *верхъ ея позлати*» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 467).

Собор уничтожил страшный владимирский пожар 1185 г., «сборная ц(е)ркви с(вя)тая Б(огороди)ца Златоверхая... сгорѣ»²². Уцелевшие остатки храма Андрея Боголюбского обстроили новыми стенами, собор, значительно увеличившийся в размерах, приобрел пятикупольное завершение и был освящен в 1189 г.²³ Все пять куполов нового Успенского собора тоже были позолочены²⁴. Золоченая медь в 1185–1189 г. использовалась не только как материал кровли, но и в отделке интерьера Успенского собора²⁵.

Позолоченные «верхи» XII в., скорее всего, не пережили страшного погрома февраля 1238 г., когда Владимир был взят ордами Батыя, а Успенский собор сожжен и ограблен. Нет особых сомнений в том, что храм был довольно быстро восстановлен (в 1239 г. в Успенском соборе перезахоронили тело погибшего годом ранее в битве на р. Сить брата великого князя Ярослава Всеволодовича, великого князя Юрия Всеволодовича²⁶). Как выглядели купола и чем были крыты в ходе этого спешного ремонта — неизвестно.

Первое после катастрофы 1238 года упоминание «верхов» действительно относится, как выяснил Н.Н. Воронин, к 1280 г., и покрывала их совсем не золоченая медь, а свинцовые плиты.

В статье под этим годом летописи сообщают об очередном приезде главы русской церкви, митрополита Кирилла, из Киева «на Суздалскую землю», конфликте и последующем примирении первосвященника с ростовским епископом Игнатием, кончине митрополита в Переяславле-Залесском и отправке его тела для похорон в Киев²⁷. Во время этого визита митрополит «въ Володимерѣ

²² ПСРЛ. М., 2000. Т. 2. Стб. 630.

²³ Подробнее см.: *Воронин Н.Н.* Указ. соч. С. 354–355. Т. П. Тимофеева оспорила точку зрения Н.Н. Воронина, приведя аргументы в пользу пятиглавия храма, построенного при Андрее Боголюбском (*Тимофеева Т.П.* К вопросу о пятиглавии Успенского собора во Владимире // Материалы краеведческой конференции 2004 г. Владимир, 2005. С. 27–34).

²⁴ «Въ лѣто 6720. Преставися... великїи князь Всеволодь... положиша его въ церкви Пречистыя Богородица... юже созда братъ его Андрѣи, *преже обь единомъ връсь, потомъ же онъ пристави 4 връхы и такоже позлати ихъ*» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 117–118). Ср.: «Сии же благовѣрнии князь Всеволодь Юрьевичъ *пристави святѣи Богородицы 4 верхы и позлати*» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 468).

²⁵ *Воронин Н.Н.* Указ. соч. С. 157–158; *Тимофеева Т.П.* Фрагменты древних надглавных крестов Дмитриевского и Успенского соборов. Каталог. Владимир, 2004. С. 42.

²⁶ ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 130.

²⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 34, 405; Там же. Т. 25. С. 153.

святую Богородицу съборную покры оловомъ»²⁸, т. е. свинцовыми пластинами²⁹.

Митрополит Кирилл, как видим, в летописном известии назван не только инициатором покрытия «верхов» храма свинцовыми плитами, но и ктитorem работ, притом что во Владимире был и собственный епископ, и великий князь — держатель Владимирского княжения.

Владимир был кафедральным городом епископии, и в год визита митрополита Кирилла епископом «Володимерю, и Суздалю, и Новгороду Нижнему» был Федор, рукоположенный из игуменов местного Константино-Еленинского монастыря³⁰.

Но во Владимире регулярно и подолгу бывал и сам митрополит. Поставленный в чин в 1250 г., Кирилл избрал местом своего пребывания не Киев, а Владимир, не переноса туда, однако, митрополичьей кафедры³¹. Тем не менее свинцовые «верхи» появились, стараниями митрополита, только в 1280 г., что, наверное, неслучайно.

Пастырская поездка Кирилла включала посещение Ростова, где, буквально накануне визита митрополита, в этом же году епископ Игнатий «покры церковь святую Богородицу оловомъ»³². Митрополит, надо думать, принял решение об обновлении «верхов» Успенского собора и оплатил работы под впечатлением нового свинцового покрытия Успенского собора Ростова.

Что же до другого потенциального ктитора обновления «верхов», великого князя Владимирского, то с 1276 г. им был переяславский князь Дмитрий Александрович, между 1277 и 1281 гг. живший постоянно не во Владимире, а в Новгороде и более в этот момент озабоченный ситуацией на северо-западных границах Руси³³.

Возвращаясь к истории «верхов» владимирского храма, констатируем, что между 1280 г., когда Успенский собор получил свинцовую кровлю, и 1340 г., датой граффити, помещенного на позолоченной меди центрального купола храма, ни о каких ремонтных работах в храме летописи не сообщают. Тем не менее в этом промежутке времени он должен был снова стать «златоверхим».

²⁸ Там же. М., 2000. Т. 16. С. 55; Там же. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 244.

²⁹ Ср. известие в редакции Владимирского летописца: «Кирилл митрополить покры церковь свинцомъ» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 96).

³⁰ *Маштафаров А.В.* Владимирская и Суздальская епархия // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 42.

³¹ *Макарий, митр.* История русской церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 16–17.

³² ПСРЛ. Т. 16. С. 55; Т. 4. Ч. 1. С. 244.

³³ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 2015. Т. 1. С. 46–47.

Летописное свидетельство о том, что золоченая медь вновь, как и во времена Всеволода Большое Гнездо, покрывала, причем не один центральный, а все пять куполов храма, относится к 1408 г.

Летом этого года на службу к великому князю Василию Дмитриевичу выехал литовский князь Свидригайло Ольгердович, получивший в управление «грады мнози, мало не половину великого княжения». Великий князь, в числе прочих, «даша... ему... многославны Володимер, еже есть столъ земля Русскыя и градъ Пречистыя Богоматери, в немъ же и князи велиции Русстии первосъданіе и столъ земля Русскыя пріемлютъ, иже великий князь всея Руси наименоваться, ту бо первую честь пріемлетъ, въ немъ же и... *соборная церкви Пречистыя Богоматери... златоверха же именуема, пять бо верховъ златыхъ имгья*»³⁴ (здесь и далее курсив мой. — А.Л.).

Самый вероятный ответ на вопрос, когда крытый в 1280 г. свинцом храм вновь получил, согласно древней традиции, «златыя верхи», — год надписи о грозе, 1340 г. В этом году безымянный кровельщик, оставивший на золоченом листе меди известие о «громе» и «трясении» во Владимире 13 июля, вероятно, был занят не текущим ремонтом кровли, а участвовал в полномасштабных работах по возвращению Успенскому собору изначального, «златоверхого» облика.

Как выглядели новые золоченые купола храма, неизвестно. При реставрационных работах 1890 г., кроме позолоченных медных листов, с центрального купола Успенского собора были сняты также остатки свинцового покрытия 1280 г. (спекшиеся фрагменты пластин и слитки металла), ныне хранятся в Историческом музее³⁵. Возможно, прежнее покрытие или его часть было как-то использовано при работах 1340 г.³⁶

Если высказанное выше предположение о том, что Успенский собор Владимира в 1340 г. получил новые золоченые «верхи», верно, то кто, в таком случае, мог быть инициатором и ктитorem этого масштабного и явно дорогостоящего мероприятия?

Н.Н. Воронин считал появление на купольном покрытии в 1340 г. граффити как свидетельства ремонта «верхов» храма и роспись его

³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 181. О Свидригайло — держателе Владимира между июлем и декабрем 1408 г. см.: Лаврентьев А.В. К истории появления фресок Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе Владимира (в печати).

³⁵ ГИМ. Отдел археологических памятников. № 25283. Оп. В 2364/88-108.

³⁶ Проезжавший в 1584 г. через Киев наблюдательный современник, описывая соборный храм Михайловского Златоверхого монастыря, отметил, что купол храма «очень ярко позолочен, но края вокруг [покрыты] свинцом, так как золота было недостаточно» (Мартин Груневег (отец Венцеслав): духовник Марины Мнишек. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2013. С. 173).

«повелением великого князя Василия Дмитриевича» в 1408 г. знаменитыми иконописцами Андреем Рублевым и Даниилом Черным явлениями одного порядка, определив их как «реставрационные работы московского правительства по памятникам Владимиро-Суздальского княжения, являвшимся в сознании людей того времени священными как создания предков московской династии»³⁷. Это было бы верно, если бы какие-нибудь сведения о внимании московских князей к памятникам владимирского зодчества в XIV в. были бы известны³⁸. Но их нет, что вполне объяснимо.

Владимир являлся столицей великого княжения, «особой территории... поступающей в правление великого князя владимирского, не смешиваясь с его личными владениями, территорией его княжества — отчиной. Когда князь лишался великокняжеского ярлыка, он лишался и великокняжеских полномочий, и великокняжеской территории»³⁹.

В 1328 г. ханский ярлык получил московский князь Иван Данилович Калита, но великое княжение совсем не закрепилось гарантированно за его наследниками⁴⁰, и только в 1363 г., с обретением великого княжения внуком Калиты, московским князем Дмитрием Ивановичем, Великое княжество Владимирское прекратило свое существование, слившись с владениями московских Калитовичей. Согласно великокняжеской духовной 1389 г., Дмитрий Иванович уже целиком распоряжался Владимирским уделом, впервые завещав его, вместе с Москвой, старшему сыну, Василию Дмитриевичу⁴¹.

В 1340 г., таким образом, Владимир московским князьям не принадлежал. Вопрос о передаче великого княжения новому суверену и в это время, и позднее решался не путем реализации наследственных владельческих прав, а в Орде. Более того, между 1358 и 1363 гг. великим княжением и, соответственно, Владимиром будут владеть князья суздальско-нижегородского дома. Так что в статусном отношении город для московских князей был в 1340 г. временным «держанием» с неясными перспективами наследования, в любом случае зависевшими от воли ханов.

³⁷ Там же. М., 1962. Т. 1. С. 356.

³⁸ Подробнее см.: *Лаврентьев А.В.* Указ. соч.

³⁹ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 290.

⁴⁰ *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2001. С. 66–67.

⁴¹ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 144.

Возвращаясь к цели работ по возвращению Успенскому собору «златых верхов», видимо, стоит признать, что если великого князя Симеона Ивановича в 1340 г. что и заботило в древнем владимирском наследии, то только Успенский собор. Обретение, точнее восстановление некогда существовавшего, золоченого покрытия было связано, скорее всего, с политическими событиями 1340 г.

Бытует мнение, что «с возвышением Москвы Владимир постоянно утрачивал свое прежнее значение; с ним вместе постепенно утрачивал свое значение и соборный Владимирский храм», а «по перенесении в Москву великокняжения... причисление Владимира к области Московской лишило соборный храм Владимирский и этой славы»⁴². Тем не менее, политического значения древняя столица Северо-Восточной Руси не утрачивала, «в XIV–XV вв. русские князья... получали ярлык (на великое княжение. — *А.Л.*) в Орде, после чего поставлялись на княжение в Успенском соборе во Владимире (очевидно, под присмотром ордынских мурз)»⁴³. Но обычай этот существовал и до монгольского нашествия и, по летописным рассказам, с Успенским собором как будто бы никак связан не был.

Первым, кто «седе» во Владимире, был великий князь — основатель владими́ро-суздальской династии, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо: в 1177 г. владими́рцы, «вышедше передь Золотая ворота, цѣловаша кр(ес)ть ко Всеволоду... и на дѣтехъ его посадиша и на ѡтнн и на дѣдни столѣ в Володимери»⁴⁴. Как видим, Успенский собор как храм, как-то причастный к «посажению», не упоминается.

Летопись вообще ничего не сообщает о каких-то «действиях» по случаю посажения на великое княжение наследников Всеволода Большое Гнездо, его сыновей Константина и Юрия Всеволодовичей. С гибелью последнего в 1238 г. в битве с татарами на р. Сить великое княжение Владимирское перешло к Ярославу Всеволодовичу (1238–1246).

При этом ситуация с наследованием владимирского и иных «столов» претерпела серьезное изменение: с установлением на Руси ордынского ига наследники не могли занять «стол» без ханского ярлыка.

⁴² Виноградов А., *прот.* Указ. соч. С. 45.

⁴³ Бочаров Г.Н. Сделано в Москве // Родина. 1992. № 8–9. С. 127.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379–380. Возможно, княжеский путь в подобных торжественных случаях как-то украшался, что тоже было частью церемонии. В рассказе Ипатьевской летописи о владимирском пожаре 1185 г. среди потерь, понесенных ризницей Успенского собора, значатся, между прочим, шитые золотом и жемчугом куски дорогих тканей, «порты», «яже вѣшали на празникъ въ двѣ вѣрви ѿ золотыхъ воротъ до Б(огороди)цѣ до вла(ды)цнихъ сѣнии» (там же. Т. 2. Стб. 630).

В 1243 г. Ярослав Всеволодович первым из русских князей отправился в ханскую ставку «про свою отчину». Миссия оказалась успешной, «Батыи... Ярослава почивъ отпусти на Роусь»⁴⁵. Московский летописный свод делает важное уточнение — Ярослав Всеволодович в 1243 г. получил от Батыя «старейшинство во всем Руском языке»⁴⁶. Таким образом, первенство владимирского стола было теперь подтверждено и ханами.

Рассказывая о сидевших на великом княжении после кончины Ярослава Всеволодовича его брате и сыновьях, летописи не сообщают о каких-либо торжествах во Владимире по случаю их вокняжения. Только третий из сыновей Ярослава Всеволодовича, Александр Ярославич Невский, в 1252 г. получивший в Орде «старѣишинство во всеи братѣи юго», «приде... ис Татаръ в... Володимер», и его, как некогда его деда, Всеволода Большое Гнездо, «оусрѣтоша... у Золотых ворот митрополить и вси игумени и гражане и посадиша и на столѣ... Ярослава»⁴⁷.

О каких-либо «действиях» во Владимире, сопровождавших вокняжение первых держателей великокняжеского стола из дома московских князей, Юрия Даниловича и Ивана Даниловича Калиты, летописи также ничего не сообщают.

Первым и, забегая вперед, заметим, последним великим князем Владимирским, чье вокняжение было связано с Успенским собором, был Симеон Иванович Гордый (1340–1353). По получении ярлыка он, вместе с двумя братьями, князьями Иваном и Андреем Ивановичами, отправился из Орды во Владимир «и сѣде... на столѣ в Володимерѣ *въ велицѣи и соборнѣи церкви святѣи Богородици...* мѣсяца октября въ 1»⁴⁸. Рассказ о событиях 1340 г. остается, повторимся, единственным упоминанием владимирского Успенского собора в контексте великокняжеских «посажений».

После кончины от чумы Симеона Гордого его брат, племянник и внучатый племянник, великие князья Иван Иванович в 1353 г., Дмитрий Иванович в 1363 г. и Василий Дмитриевич в 1389 г., по получении ярлыка, приезжали специально во Владимир⁴⁹, но о какой-либо причастности Успенского собора к посажению на великое княжение летописи не говорят. Аналогичным образом дело обстоит

⁴⁵ Там же. Т. 15. Стб. 31. Ср.: «Поиде Ярославъ к Батыю... и прииде пожалованъ» (Там же. Т. 1. Стб. 523).

⁴⁶ Там же. Т. 25. С. 136.

⁴⁷ Там же. Т. 1. Стб. 473.

⁴⁸ Там же. Т. 18. С. 93.

⁴⁹ Там же. Т. 15. Стб. 62, 73–74, 157.

и с получением в 1358 г. великокняжеского ярлыка князем не из московского дома, Дмитрием Константиновичем Суздальским⁵⁰.

На Василии Дмитриевиче цепочка «владимирских посажений» московских Калитовичей обрывается. Получивший в 1432 г. в Орде ярлык на великое княжение его сын, Василий Васильевич, не поехал во Владимир, а вернулся в Москву в сопровождении «царева посла», который «его садиль» в кремлевском Успенском соборе, «у Пречистые у Золотыхъ дверей»⁵¹. Визиты во Владимир не упоминаются в летописных рассказах о вокняжении последних великих князей московского дома, Ивана III (1462), Василия III (1505)⁵² и Ивана IV (1533)⁵³, будущего первого русского царя.

Таким образом, посажение 1 октября 1340 г. на великое княжение Симеона Ивановича Гордого остается единственным летописным указанием на то, что «действие» имело место в Успенском соборе Владимира. Но, в отличие от царских венчаний XVI–XVII вв., церемониал которых подробно расписан в особых «чинах»⁵⁴, как выглядели посажение на великое княжение в домонгольское время в Киеве⁵⁵, в послемонгольское во Владимире и, с 1432 г., в Москве, неизвестно.

Е.В. Барсов обратил внимание на наличие в Трехнике XIV в. молитвы «еже благословити князя», «которая, вероятно... читалась епископом на амвоне», обряд же считал схожим с посажением епископа⁵⁶. Тем не менее ни в одном из случаев летопись не сообщает о присутствии в храме церковных иерархов. И в 1340 г., если бы посажение осуществляло высшее церковное лицо, им был бы митрополит Феогност, епархиальный архиерей Владимира. Но о присутствии во Владимире Феогноста в этот момент летопись не говорит.

⁵⁰ «Въ лѣто 6868 выиде изъ Орды на великое княжение... князь Дмитрей Костянтинович[ъ], а не по очинѣ, ни по дѣдинѣ. И въеха въ Володимерь за недѣлю до Петрова дни месяца июня въ 22» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 68–69).

⁵¹ Там же. М., 2000. Т. 12. С. 16.

⁵² Там же. С. 278; Там же. М., 2000. Т. 13. С. 1. Собственно, великим князем Василий Иванович был провозглашен еще при жизни отца, в связи с чем о «посажении» его в 1505 г. вообще речь не шла. Подробнее см.: *Лаврентьев А.В.* Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 2 (16). С. 97–98.

⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 77–78.

⁵⁴ *Барсов Е.В.* Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами, с историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М., 1883.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132, 140, 142, 162, 182, 204, 218, 295, 301, 348.

⁵⁶ *Барсов Е.В.* Указ. соч. С. XIII–XIV.

В противоположность Е.В. Барсову, А.А. Спицын в свое время осторожно предположил, что если царское венчание — «исключительно церковный обряд», то великокняжеское посажение «имело, может быть, совершенно гражданский характер и даже совершалось не в церкви», тем более что «при монгольском иге на княжение садили посланники хана, приезжавшие с ярлыками»⁵⁷.

Тем не менее церковная служба, очевидно, сопровождала посажение, и пример, когда церемония на самом деле имела место в храме, известен, но не в Киеве, Владимире или Москве, а в Пскове.

В 1460 г. младший брат Ивана III, Юрий Васильевич, был отправлен во Псков, где «вниде... *въ храмъ святыя Троица, священники же и пѣвцы пѣвшие ему многа лѣта, и посадиша его на столъ отца своего великого князя Василя Василовича, и знаменая его честнымъ и животворящимъ крестомъ*». По завершении «действия» «бояря и весь Псковъ» «биша челомъ господину князю великому Юрию Василовичю, чтобы... пожаловаль... даль бы... намъ от князя великаго отца своего и от себе намѣстника, а во Псковъ княземъ, князя Ивана Василовича... онъ же ихъ пожалова, отпусти имъ князя Ивана Василовича княземъ во Псковъ от князя великаго... отца своего и от себе... по повѣлению отца своего и брата Ивана... И... псковичи прияша его... и *посадиша его на княжении во святеи Троицы*»⁵⁸.

Отмечалось, что Юрия Васильевича вообще «возвели на княжение... с отличными от прежних обрядами»⁵⁹, что есть чистая правда. Ни об одном из других многочисленных «князей псковских», и из Рюриковичей, и из Гедиминовичей, приглашавшихся ли псковичами самостоятельно или присылавшихся с 1401 г. в Псков великими князьями московскими, летописи о подобных церемониях не сообщают⁶⁰. Многолетствование, петое в храме новому «князю псковскому», обычно завершает чин отпуста и восходит к традициям Софийского Константинопольского богослужебного устава, «вызывавшимся присутствием царей на службах»⁶¹. Дело надо понимать так, что во Пскове церковная служба с провозглашением многолетия князю и

⁵⁷ Спицын А.А. К вопросу о Мономаховой шапке // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. АН. 1906. Т. VIII. Вып. 1. С. 3.

⁵⁸ ПСРЛ. М., 2003. Т. 5. Вып. 1. С. 59; Там же. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 51.

⁵⁹ Евгений, митр. (Болховитинов Е.А.). История княжества Псковского. М., 2012. С. 225.

⁶⁰ Ср.: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 17, 22, 24, 26, 33–34, 38, 46, 61, 65, 75.

⁶¹ Скабалланович М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. М., 2008. С. 722–723.

была собственно посадением. Возможно, таким же образом выглядели и прочие княжеские «посажения», включая и владимирское Симеона Ивановича.

Возвращаясь к кровельным работам лета 1340 г., отметим, что речь очевидным образом шла не просто о ремонте древнего храма, а о возвращении Успенскому собору столицы великого княжения, Владимира, того «златоглавого» облика, который он имел в эпоху расцвета Владимиро-Суздальской Руси, в правление князей — прямых предков Симеона Ивановича. Эта «реставрация» для московского князя была делом чести, ярким символическим актом, отсылающим к истокам династии. И работы эти не могли быть исполнены за несколько дней.

Великий князь Иван Данилович Калита скончался 31 марта. Наследник московского стола, князь Семен Иванович, «тое же вѣсны месяца мая въ 2 день... пошель в Ордоу» с братьями Иваном и Андреем, «и вси князи тогда въ Ордѣ были», откуда «на ту же осень выиде... на великое княженіе... и сѣде... на столѣ въ Володимери въ велициѣ съборнѣи церкви святыя Богородици... мѣсяца октября въ 1 день»⁶².

Если возвращение позолоченных «верхов» Успенскому собору во Владимире как будущему месту «посажения» старшего сына Калиты в великие князья владимирские было связано с этими первыми в московском доме торжествами такого рода, то кровельные работы могли быть начаты не раньше апреля-мая и должны были завершиться к 1 октября. Для изготовления медных листов, их золочения, доставки во Владимир и монтажа у властей было всего около четырех месяцев. Дата граффити, оставленного на позолоченной медной пластинке новой кровли собора, 13 июля, приходится практически на середину этого срока.

Если предположение о том, что «златые верхи» вернулись на соборный храм в 1340 г., верно, то, отправляясь 2 мая в Орду за ярлыком на великое княжение, Симеон Иванович должен был не сомневаться в благоприятном для себя исходе поездки. И для этого у него, похоже, были основания.

На самом деле, отец нового московского князя, Иван Данилович Калита традиционно считается верным и лояльным вассалом Орды, и его сын продолжил политическую линию отца на верность «царям». Симеон Гордый, как известно, станет своего рода «рекордсменом» среди московских князей по количеству визитов в ханскую ставку и за тринадцать лет великого княжения шесть раз побывает в Орде⁶³.

⁶² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 53.

⁶³ Горский А.А. Указ. соч. С. 60–68.

Кроме того, и конкурентов, претендующих на великое княжение Владимирское, в 1340 г. у московского князя очевидным образом не наблюдалось.

Золочение куполов — явление на Руси нечастое в силу его высокой дороговизны: в домонгольское время летописи сообщают о существовании на Руси всего восьми златоверхих храмов и башен⁶⁴. Кровельные работы 1340 г. во Владимире были первым известным случаем покрытия позолоченной медью куполов храма в послемонгольское время. Показательно, что к началу работ ни один из пяти существовавших к этому времени каменных храмов Московского Кремля, выстроенных отцом Симеона Ивановича, великим князем Иваном Даниловичем Калитой, между 1326 и 1333 гг., не имел золоченого покрытия — кровли и купола их были, очевидно, свинцовыми⁶⁵.

Новые золочения «верхов» храмов на Руси последовали только полвека спустя после возвращения «златых верхов» владимирскому Успенскому собору, и в обоих случаях мы имеем дело с работами несравнимого масштаба.

В 1399 г. великий князь тверской Михаил Александрович «обнови» построенный в 1285–1290 гг. кафедральный Спасо-Преображенский собор «и верхъ ея чюднѣ и велелѣпотнѣ позлати»⁶⁶. Н.Н. Воронин справедливо полагал, что употребленное в единственном числе существительное «верхъ» применительно к пяти- или семикупольному тверскому собору (точное число глав неизвестно) означает, что позолочена была только одна, центральная глава храма⁶⁷. Через девять лет после тверских работ, в 1408 г., крыли купола в Софии Новгородской. Средств на золоченое покрытие у небедного Новгорода хватило только на центральную главу собора: четыре купола «поби владыка Иоан... свинцом» и только «маковицу болшую златоверху устрои»⁶⁸.

⁶⁴ Петров Д.А., Седов Вл.В. Реконструкция Троицкого собора в Пскове Борисом Годуновым // Новгородские древности. Архив архитектуры. М., 2000. Вып. 11. С. 216–218.

⁶⁵ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 19–21, 23–24.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 166. Тверская летопись помещает сообщение о золочении главы собора под 1382 г. («позолоти князь великїи Михаилъ верхъ у святого Спаса въ Твери»), что, скорее всего, ошибка. В этом году великий князь тверской с сыном, князем Александром Михайловичем, продолжительное время провел в Орде, и путь в ставку ханов тоже занял немалое время («а пошель околицею не прямицами и не путма» — Там же. Стб. 146–147).

⁶⁷ Воронин Н.Н. Указ. соч. М., 1962. Т. 2. С. 14.

⁶⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 400.

Это было третье и последнее устройство храмовых покрытий из золоченой меди на Руси в послемонгольский период.

Во второй половине XV в. пластины золоченой меди и литые свинцовые «доски» уступят в церковном зодчестве место новому кровельному материалу, кованым железным листам⁶⁹. При завершении в 1479 г. работ по возведению в Кремле нового Успенского собора храм получил, в качестве новинки, покрытие «железом немецким»⁷⁰.

Возвращаясь к кровельным работам во Владимире в 1340 г., отметим очевидную проблему для заказчика — небольшое количество мастеров, способных выполнить в сжатые сроки столь масштабный проект.

Меднолитейное дело, продукция которого включала в себя широкий спектр изделий (артиллерия, колокола, культовые предметы, предметы быта и многое другое, в том числе «доски» для покрытия храмов), носило собирательное название котельного⁷¹. Но медные листы требовалось еще и позолотить.

Техника позолоты кровельной меди Успенского собора, по наблюдениям Б.А. Рыбакова, выглядела следующим образом: пластины покрывались золотой амальгамой, смесью золота и ртути («жженое злато»), после чего лист ставился в сильный жар, и золото прочно соединялось с основой. При переделке старой кровли в новые медные листы в 1890 г. «устроен был особый горн для расплавления золота и для испарения ртути, которою вместе с золотом покрываемы были медные листы»⁷².

Технически речь идет об амальгамировании, редкой и трудоемкой технике, применявшейся для нанесения изображений и орнаментов на соборные врата, «золотом письме на меди»⁷³. Существенная же разница между золочением соборных врат и «верхов» заключалась в том, что если при нанесении изображений, орнаментов и надписей на медные листы золота уходило немного, ровно на толщину штриха, то в 1340 г. речь шла о сплошном амальгамировании медных «досок» кровли, причем вызолотить требовалось многие десятки пудов медного листа.

⁶⁹ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 542.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 324 («Врѣхи же... крыти привел князь великы изъ... Новагорода Великого мастера, они же начаша крыти преже древом... и по древу желѣзом Немѣцкым»).

⁷¹ Аристов Н.Я. Указ. соч. С. 119–120; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 546–556.

⁷² Виноградов А., прот. Указ. соч. С. 104.

⁷³ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. С. 296–299, 594–595.

Могли ли такие работы быть проведены владимирскими мастерами? Некоторые исследователи, не приводя никаких аргументов, так и полагали⁷⁴. Разумеется, наши представления о состоянии ремесла во Владимире XIV в. слишком скудны, но вплоть до конца XVII в. источники не знают ни одного владимирского литейщика⁷⁵.

При этом колокольное дело, с которым технически было связано изготовление медных досок, определенным образом процветало именно в это время в Москве, где летописям известен выдающийся профессионал литейного дела. В 1346 г. «на Москвѣ слиты быша 3 колоколы болших да два малыхъ, а лил мастеръ Бориско»⁷⁶, а в 1342 г. тот же московский мастер Борис слил «колокол великъ» для новгородского Софийского собора⁷⁷. С именем Бориски — Бориса В.В. Кавельмахер связал существование в это время в Москве крупнейшего на Руси центра меднолитейного дела⁷⁸.

Вообще покрытие глав храмов металлическими «досками» носило, надо думать, характер штучных заказов. Показателен в этом отношении сюжет с псковскими мастерами, взявшимися покрыть в 1420 г. Троицкий собор «свинцомъ новымъ досками», но не нашедшими ни среди псковичей, ни в Новгороде, городах с высочайшим уровнем развития ремесел, «такова мастера... кому лити свинчатый доски». Мастер нашелся в Москве, прибыл в Псков, «научи Федора... а самъ отъеха на Москву»⁷⁹.

Возвращаясь к Успенскому собору и его кровле, заметим, что в 1890 г. медные листы весом 127 пудов покрывали только центральный купол храма, в то время как согласно летописному рассказу 1408 г. «златоверхими» были все пять куполов собора. Совершенно очевидно, что «верхи» храма страдали от внешнего воздействия, теряя медные листы, остатки которых в какой-то момент были сосредоточены на одной, центральной главе.

Так, в 1410 г., два года спустя после упоминания Успенского собора как «златоверха..., пять бо верховъ златыхъ имгя», Владимир подвергся страшному «изгону», учиненному совместным отрядом нижегородцев во главе с воеводой князя Даниила Борисовича Семеном

⁷⁴ Сахаров А.М. Указ. соч. С. 47; Бондаренко А.Ф. История колоколов России XI–XVII вв. М., 2012. С. 202.

⁷⁵ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. М.; Л., 1947. С. 46–56.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 57.

⁷⁷ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. С. 354.

⁷⁸ Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы XVI — первой половины XVII в. // Колокола. История и современность. 1990. М., 1993. С. 78.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 37.

Карамышевым и татар «царевича» Талыча. Нападающие «изграбиша вся церкви», в том числе Успенский собор, «и многое множество злата и серебра взявше отъидоша»⁸⁰.

Обычно в летописных рассказах об «изгоне» 1410 г. подчеркиваются тяжелые последствия ограбления храма и героическое поведение успенского ключаря Патрикеея, ценою жизни спасшего соборную казну⁸¹, но в Новгородской I летописи дополнительно сообщается еще и о том, что пострадала золоченая кровля Успенского собора, «*церковь святую Богородицю златоверхую одраша*»⁸².

Каковы были объемы потерь золоченой меди в результате «одрашения» 1410 г., мы, вероятно, никогда не узнаем. В пожар 1536 г., как помним, сгорела половина крыши, но Никоновская летопись ничего не сообщает о состоянии после пожара золоченых в 1340 г. куполов. Нет никаких сомнений в том, что «верхи» Успенского собора и до⁸³, и после пожара 1536 г. несли какие-то потери. Так или иначе, но описи собора конца XVII — начала XVIII в. отмечают, что золоченой медью к этому времени была крыта только одна, центральная глава⁸⁴. Так что 127 пудов золоченой меди, снятой в 1890 г., — далеко не весь объем покрытия собора времени великого князя Симеона Ивановича, а только его уцелевшая часть, в какой-то момент собранная и смонтированная на центральном куполе на железных «журавцах». Но даже сохранившаяся часть золоченых «верхов» свидетельствует, что масштабы работ 1340 г. по подготовке храма к «посажению» московского князя Симеона Ивановича на великое княжение Владимирское были беспрецедентными. Об этом можно судить, опираясь на скудые, но все же наличествующие данные о колокольном производстве и экспорте меди.

Размеры колоколов в России, отливавшихся из медных сплавов, в силу несовершенства технологии отливки, первоначально не превышали нескольких пудов⁸⁵. В.Я. Аристов полагал, что «3 колоколы болших» и «колокол великъ», слитые московским мастером Бориской соответственно в 1346 и 1342 гг., были около 100 пудов весом⁸⁶, но

⁸⁰ Там же. Т. 25. С. 240.

⁸¹ Там же.

⁸² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 462.

⁸³ Ср. рассказ о пожаре 1491 г., в котором Успенский собор среди пострадавших храмов как будто бы не упоминается, притом что «згорѣ град Володимерь весь» (ПСРЛ. Т. 25. С. 332).

⁸⁴ Тимофеева Т.П. Фрагменты древних надглавных крестов Дмитриевского и Успенского соборов. С. 44.

⁸⁵ Оловянинников Н. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912. С. 31.

⁸⁶ Аристов Н.Я. Указ. соч. С. 118.

цифра эта ничем не подтверждается. Старейшие колокола русского производства (их три) сохранились только от XV в., и самый древний из них, отлитый в 1420 г. для Троице-Сергиева монастыря, весит много меньше, всего 20 пудов⁸⁷.

Вся медь, и в XIV в., и много позднее, была материалом совсем не дешевым хотя бы потому, что не добывалась на Руси, а импортировалась из Западной Европы, главным образом через Ливонию⁸⁸.

О том, что такое 127 пудов меди, можно судить по документу середины XVI в., грамоте 1556 г. новгородским дьякам с указом приобрести для нужд Пушечного двора «к литью меди тысячу пятьсот пуд»⁸⁹. Как видим, сохранившиеся фрагменты покрытия 1340 г. являются собой десятую часть государственных нужд в меди Пушечного двора эпохи Ивана Грозного.

Столь же впечатляют и снятые с меди девять фунтов, т.е. больше трех с половиной килограммов, золота, притом что сама «древняя позолота уцелела... только местами»⁹⁰. Объемы амальгимирования медных пластинок предполагали наличие как самого драгоценного металла, так и соответствующих возможностей у мастеров-ювелиров.

При этом, как и медь, золото на Руси в XIV в. было целиком импортным⁹¹, и обороты торговли им вряд ли были велики. В то же время золото аккумулировалось при дворе московских князей. В 1384 г. на Руси «бысть великая дань тяжкаа по всему княженію великому... Тогда же и златомъ даваша в Орду»⁹². Поскольку русский «выход» собирался в Москве и выплачивался московским князем Дмитрием Ивановичем серебром, для чего в обычных условиях готовились серебряные слитки определенного стандарта⁹³, очевидно, в данном случае серебро заменили, по его недостатку, великокняжеским золотом.

Н.Я. Аристов справедливо отмечал, что золото «не составляло потребности народной, а только обращалось в кругу князей и их приближенных»⁹⁴.

⁸⁷ *Вильямс Эдвард*. Колокола России. История и технология. М., 2012. С. 67.

⁸⁸ *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М., 1963. С. 309–311.

⁸⁹ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 157.

⁹⁰ *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 290.

⁹¹ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 298–300.

⁹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 149.

⁹³ *Кистерев С.Н.* Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV в. // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 76–83.

⁹⁴ *Аристов Н.Я.* Указ. соч. С. 126.

А.Л. Хорошкевич обратила внимание на прямую связь систематического ввоза драгоценных металлов в Новгород с развитием новгородского ювелирного дела в XIV–XV вв.⁹⁵ После Батыева нашествия ювелирное дело во Владимире, возможно, и не заглохло, но памятников владимирского происхождения нет, а в XIV в. политическая и художественная активность перемещается, как замечено, из Владимира в Нижний Новгород⁹⁶. В Москве с подвозом драгоценных металлов все обстояло намного лучше, и, как следствие, «при Симеоне Гордом... работали артели русских и греческих художников... мастера прикладного искусства», плоды деятельности которых дошли до наших дней⁹⁷.

Таким образом, в 1340 г. Успенскому собору «златые върхы» делали, скорее всего, московские мастера.

Совершенно неизвестно, ограничивались ли летние работы во Владимире 1340 г. только покрытием куполов Успенского собора золоченой медью. Возможно, ремонт проводился и в самом Успенском соборе. Когда в 1469 г. московский зодчий В.Д. Ермолин отправился во Владимир для «обновления» каменных храмов города, то работы коснулись всего двух церквей⁹⁸, и Успенский собор среди объектов работ не упоминается⁹⁹. Но, кроме соборного храма, в столице великого княжения должен был существовать и великокняжеский «двор».

«Князь дворъ великыи» Всеволода Большое Гнездо упоминается еще в 1185 г.¹⁰⁰ Сооружен он был во владимирском детинце, рядом с великокняжеским Дмитриевским собором, соединявшимся с великокняжеским «двором» переходами, остатки которых были заметны еще в XIX в.¹⁰¹ Этот старый «княж двор», судя по всему, периодически обновлялся и отстраивался. Так, в 1318 г. во Владимире скончался и там же в Успенском соборе был погребен младший брат великого князя

⁹⁵ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 306.

⁹⁶ Николаева Т.А. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 20–23. Несмотря на полное отсутствие произведений прикладного искусства XIV в., связанных с Владимиром, А.М. Сахаров, наоборот, полагал, что «сохранилось большое количество изделий владимирских ювелиров XIV–XV вв.» (там же. С. 47).

⁹⁷ Николаева Т.А. Указ. соч. С.124-174.

⁹⁸ «Въ Володимери обновили двѣ церкви камены, Воздвиженіе въ торгу, а другую на Золотыхъ Воротехъ» (ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. 159).

⁹⁹ Ср.: «Московские князья...принимали до 1432 г. великокняжеский титул под ветхими сводами владимирского Успенского собора» (Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973. С. 38).

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630.

¹⁰¹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1957. С. 407.

Юрия Даниловича, Борис Данилович¹⁰², надо понимать, наместник брата на великокняжеском столе. Если это так, то московский князь должен был иметь и двор для проживания во Владимире.

Возможно, «двор» во Владимире поновляли не только держатели великокняжеского ярлыка из Москвы, но и их предшественники из других ветвей потомков Ярослава Всеволодовича. В 1307 г. державший великое княжение тверской князь Дмитрий Михайлович, готовивший поход на Юрия Даниловича Московского, «сбравъ воя многи... стоявъ Володимѣри 3 недели»¹⁰³ и явным образом где-то должен был жить.

Первое в послемонгольское время известие о существовании во Владимире двора с предназначенными для великого князя постройками относится ко времени великого княжения Василия Дмитриевича. «Хоромы на князя великого дворе въ Володимере» «ставили» митрополичьи плотники — об этом сообщает договорная грамота великого князя с митрополитом Киприаном (1392–1404 гг.)¹⁰⁴.

Великокняжеские «хоромы» и весь двор должен был обслуживать штат «людей» великого князя, и в этой же грамоте фигурируют живущие во Владимире в соседстве с митрополичьими «слугами» великокняжеские «дворчане»¹⁰⁵. «Князя великого дворъ» был в 1410 г. уничтожен при набеге на Владимир совместной татарско-нижегородской рати¹⁰⁶. Более о существовании «хором» московских князей на старом великокняжеском «дворе» во Владимире источники не сообщают. В XVI в. здесь находились изба владимирского воеводы, а также съезжая и губная избы¹⁰⁷.

Не исключено, что «хоромы» великого князя Василия Дмитриевича не были первым двором московских князей во Владимире и что в 1340 г. работы в древней столице не ограничивались только восстановлением золоченых куполов Успенского собора. На время торжеств по «посажению» на великое княжение во Владимир приехал не только сам Симеон Иванович, но и оба его брата, Иван и Андрей Ивановичи, с многочисленной свитой, которые должны были где-то

¹⁰² ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

¹⁰³ Там же. С. 87.

¹⁰⁴ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Сост. А.И. Плигузов. М., 2008. С. 84.

¹⁰⁵ И.И. Срезневский определил «дворчан» как «живущих при дворе (?)» (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1334).

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 485.

¹⁰⁷ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 174.

разместиться. Скорее всего, это был приведенный в порядок старый великокняжеский двор у Дмитриевского собора.

О поездках во Владимир после 1340 г. великого князя летопись не сообщает, равно как ничего неизвестно и о визитах в древнюю столицу его брата, следующего великого князя владимирского Ивана Ивановича (не считая, разумеется, посажения его на великое княжение в 1358 г.). Следующий великий князь из московского дома, племянник Симеона Ивановича Дмитрий Иванович, после посажения в 1363 г. бывал во Владимире неоднократно. Так, в 1382 г. он «отпусти въ Орду къ царю Токтамышу сына своего стареѣишаго Василѣа изъ Володимеря»¹⁰⁸, т. е., надо понимать, лично провожал наследника до столицы великого княжения. В 1386 г. Дмитрий Иванович был во Владимире в день храмового праздника, на Успение и присутствовал в Успенском соборе при поставлении митрополитом Пименом рязанского епископа Феогноста¹⁰⁹. Так что великокняжеский «двор» во Владимире в это время должен был в том или ином виде существовать.

Возвращаясь к владимирскому граффити с сообщением о грозе 13 июля 1340 г., констатируем, что запись неизвестного кровельщика остается самым ранним и красноречивым свидетельством внимания московских Калитовичей к Владимиру как древней столице великого княжения, «граду Пречистые Богоматери» и «столу земли Русскыя»¹¹⁰.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 148.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 154.

¹¹⁰ Там же. Стб. 183, 186.